

В И Т А Л И И Б Е С А Н К О

5-53

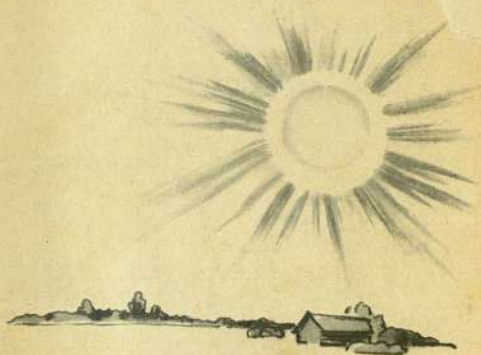

ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО

В И Т А Л И Й Б И А Н

Д
559

ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО

~~Детский
передвижной фонд
Кировского района~~

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1985

От автора

Человек — хозяин на Земле. Он возделывает её и получает богатый урожай — плоды своих трудов.

Но человек не один кормится урожаем своих полей: множество птиц и зверей с нетерпением ждёт, когда поспеет посеянный человеком хлеб, чтобы досыта угоститься им.

Есть такие птицы, которые целиком почти зависят от труда колхозников: они и гнёзда себе делают под защитой высоких, густых хлебов, и малых деток своих прячут в хлебах от недобрых глаз, и сами стол и дом себе находят в полях, возделанных человеком. Не будь на Земле полей, — один из видов таких птиц совсем исчез бы с Земли. А это было бы очень грустно, потому что птицы эти очень красивы, милы и, кроме пользы, ничего человеку не приносят.

Это — полевые куропаточки.

Про них мы сложили эту сказочную повесть. Мы хотим, чтобы наши читатели познакомились с их жизнью, узнали, как много у них врагов, и постарались стать их друзьями и покровителями.

Может быть, прочтя эту повесть, вы улыбнётесь на их жизнь, так странно непохожую на нашу, человеческую, — и так смешно на неё похожую, — и ощутите в груди тёплое чувство к ним, таким слабым и беспомощным, если не поможет им человек — хозяин Земли.

В спутники по нашей повести мы дадим читателям прославленного певца полей — полевого жаворонка.

1 июня 1953 года.

РИСУНКИ ЕЛ. БИАНКИ

*Что увидел
Жаворонок,
когда вернулся
на родину*

У

ж волк умылся, а кочеток спел. Начинало светать.

В поле между комьями холодной земли проснулся Жаворонок. Он вскочил на ножки, встряхнулся, огляделся и полетел вверх.

Полетел и запел. И чем выше он поднимался в небо, тем радостней и звонче лилась и переливалась его песня.

Всё, что он видел под собой, казалось ему необыкновенно замечательным, красивым и милым. Ещё бы, ведь это была его родина, и он долго, очень долго её не видел!

Он родился здесь летом прошлого года. А осенью с другими перелётными улетел в далёкие страны. Там он провёл в тепле всю зиму — целых пять месяцев. А это долгий срок, когда вам всего десять месяцев от роду. И вот уж три дня, как он вернулся, наконец, домой. Первые дни он отдыхал с дороги, но сегодня принялся за свою работу. А работа его была — петь.

Жаворонок пел:

„Снежные поля подо мной. На них чёрные и зелёные пятна.

Чёрные пятна — пашни. Зелёные пятна — всходы ржи и пшеницы.

Я помню, эту рожь и пшеницу люди посеяли осенью. Скоро выросли из земли молодые весёлые зелёны. Потом на них стал падать снег — и я улетел в чужие края.

Зелёны не замёрзли под холодным снегом. Вот они показались опять, весело и дружно тянутся вверх.

На холмах среди полей — деревни. Это наш колхоз „Красная искра“. Колхозники ещё не проснулись, улицы ещё пусты.

Пусты и поля: спят ещё полевые звери и птицы.

За далёким чёрным лесом я вижу золотой краешек солнца.

Просыпайтесь, просыпайтесь, вставайте все!
Начинается утро! Начинается весна!“

Жаворонок замолчал: он увидел на белом поле какое-то серое пятно. Пятно шевелилось.

Жаворонок полетел вниз — посмотреть, что́ там такое.

Над самым пятном он остановился в воздухе, трепеща крылышками:

— Э, да ведь это Большое Стадо! Я вижу, мои хорошие соседи устроили общее собрание.

И в самом деле: это было Большое Стадо голубых куропаток — красивых полевых петушков и курочек. Они сидели плотной кучкой. Их было очень много: сто птиц или, может быть, тысяча. Жаворонок считать не умел.

Они тут в снегу и ночевали; некоторые ещё стряхивали с крыльев крупичатый от ночного мороза снежок.

А одна курочка — видно, старшая у них — сидела посредине на кочке и громко говорила речь.

„О чём она там толкует?“ — подумал Жаворонок и спустился ещё пониже.

Старшая курочка говорила:

— Сегодня разбудил нас своей песней наш маленький друг Жаворонок. Значит, правда началась весна. Минуло самое трудное и голодное время. Скоро надо будет подумать о гнёздах. Настала пора всем нам расстаться.

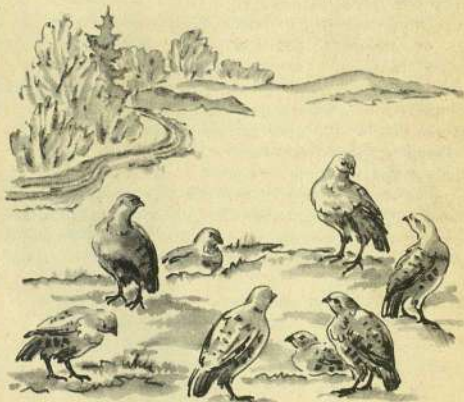
— Пора, пора! — закудахтали все курочки сразу. — Кто куда, кто куда, кто куда?

— Мы к лесу! Мы за речку! Мы на Красный ручей! Мы на Костяничную горку! Туда, туда, туда, туда!

Когда кудахтанье смолкло, старшая курочка заговорила опять:

— Счастливого лета и хороших птенцов всем вам! Выводите их побольше и воспитайте получше. Помните: той курочке, которая осенью приведёт больше всего молодых куропаток, будет великая честь: эта курочка будет всю зиму водить Большое Стадо. И все должны будут её слушаться. До свиданья, до свиданья, — до осени!

Старшая курочка вдруг высоко подпрыгнула в воздух, с треском замахала крылышками и помчалась

прочь. И в тот же миг все другие куропатки, сколько их тут было — сто или тысяча, — разделились на парочки и с треском, шумом, чириканьем брызнули во все стороны — и пропали из глаз.

Жаворонок огорчился: такие хорошие, ласковые соседи улетели! Когда он вернулся, как они радовались ему! Как весело было в их дружной семье!

Но он сейчас же спохватился: ведь ему надо скорей разбудить всех других полевых птиц, и зверей, и всех людей! Он быстро-быстро заработал крылышками и запел ещё звонче прежнего:

„Солнце встаёт! Просыпайтесь, все просыпайтесь, весело беритесь за работу!“

И, поднимаясь к облакам, он видел, как разбегаются от деревень воришки-зайцы, забравшиеся на ночь в сады поглотить кору с яблонь. Видел, как шумной ватагой, каркая, слетаются на пашню стаи чёрных грачей — выковыривать носами червей из оттаявшей земли; как выходят из домов люди.

Люди запрокидывали голову и, щурясь от яркого солнца, старались разглядеть в небе маленького певца. Но он исчез в облаке. Осталась над полями только его песня, такая звонкая и радостная, что у людей становилось светло на душе и они весело брались за работу.

*О чём разговаривал
Жаворонок с
полевым петушком*

Целый день трудился Жаворонок: летал в поднебесье и пел. Пел, чтобы все знали, что всё хорошо и спокойно и поблизости не летает злой ястреб. Пел, чтобы радовались полевые птицы и звери. Пел, чтобы веселей работалось людям.

Пел, пел — и устал.

Был уже вечер. Солнце зашло. Попрятались куда-то все звери и птицы.

Жаворонок опустился на пашню. Ему захотелось поболтать с кем-нибудь перед сном о том, о сём. Подруги у него не было.

Он решил: „Полечу-ка к соседям — куропаткам“. Но тут же вспомнил, что утром они улетели.

Ему опять стало грустно. Он тяжело вздохнул и стал укладываться спать в ямке между комочками подсохшей за день земли.

Вдруг до него донёсся чей-то знакомый голос. Голос напоминал скрип несмазанной калитки или чириканье сверчка, только был сильнее, громче. Кто-то звонко и радостно выговаривал всё одно слово:

— Черр-вяк! Черр-вяк!

„Ой, да ведь это Подковкин! — обрадовался Жаворонок. — Значит, не все куропатки улетели“.

— Черр-вяк! Черр-вяк! — неслось из ржаных зеленей.

„Чудилка! — подумал Жаворонок. — Нашёл одного червяка и кричит на весь свет“.

Он знал, что куропатки наедаются хлебными зёрнами да семенами разных трав. Червяк для них — вроде сладкого к обеду. Сам Жаворонок умел находить в траве сколько угодно маленьких червячков и каждый день наедался ими досыта. Ему и было смешно, что сосед так радуется какому-то червяку.

„Ну, теперь мне будет с кем поболтать“, — подумал Жаворонок и полетел разыскивать соседа.

Найти его оказалось очень просто, петушок сидел открыто на кочке, среди низенькой травки зеленей, и то и дело подавал голос.

— Здорово, Подковкин! — крикнул, подлетая к нему, Жаворонок. — Ты на всё лето остался?

Петушок приветливо кивнул головой:

— Да, да. Так решила Оранжевое Горлышко, моя жена. Знаком с ней? Очень умная курочка. Вот увидишь: этой зимой она непременно будет водить Большое Стадо.

Сказав это, петушок выкатил колесом голубую грудь с рисунком подковы вкусного шоколадного цвета. Потом вытянул шейку и три раза громко прокричал:

— Черр-вяк! Черр-вяк! Черр-вяк!

— Где же червяк-то? — удивился Жаворонок. — Ты съел его?

Подковкин обиделся:

— За кого ты меня принимаешь? Хороший я был бы петушок, если б сам ел червяков! Я, конечно, отнёс его Оранжевому Горлышку.

— И она его съела?

— Съела и сказала, что очень вкусно.

— Так и дело с концом! Чего же ты кричишь: „Червяк! Червяк!“?

— Ничего ты не понимаешь! — совсем рассердился Подковкин. — Во-первых, я вовсе не кричу, а красиво пою. Во-вторых, про что же и петь, как не про вкусных червяков?

Маленький серенький Жаворонок много мог бы рассказать, про что и как надо петь. Ведь он был из знаменитого рода певцов, прославленных всеми поэтами. Но гордости в нём не было. И он совсем не хотел обидеть Подковкина, своего доброго соседа.

Жаворонок поспешил сказать ему что-нибудь приятное:

— Я знаю Оранжевое Горлышко. Она такая красивая, нежная. Как её здоровье?

Подковкин сейчас же забыл обиду. Он выпятил грудь, три раза звонко брякнул: „Черр-вяк!“ — и только тогда важно ответил:

— Благодарю вас! Оранжевое Горлышко чувствует себя прекрасно. Прилетайте навещать нас.

— Когда можно прилететь? — спросил Жаворонок.

— Сейчас-то, видишь ли, я очень занят, — сказал Подковкин. — Днём еду разыскиваю для Оранжевого Горлышка, караул держу, чтобы на неё не напали лиса или ястреб. Вечерами вот песни ей пою. А тут ещё драться надо с...

Подковкин не закончил, вытянулся на ножках и стал вглядываться в зелень:

— Постой-ка! Никак он опять?..

Петушок сорвался с места и стрелой полетел туда, где в зеленях что-то шевелилось.

Сейчас же оттуда раздался шум драки: стук клюва о клюв, хлопанье крыльев, шелест ржи. Пух полетел к небу.

Через несколько минут над зелеными мелькнула пёстренькая спинка чужого петушка, и Подковкин вернулся, весь взъерошенный, с блестящими глазами. Из его левого крыла торчало переломленное перо.

— Ух!.. Здóрово я его тюкнул! — сказал он, опускаясь на кочку. — Будет знать теперь...

— Да с кем это ты? — робко спросил Жаворонок. Сам он никогда ни с кем не дрался и драться-то не умел.

— А с соседом, с Бровкиным. Тут рядом, на Костяничной горке, живёт. Глупый петушишка. Я ему покажу!..

Жаворонок знал и Бровкина. У всех куропаток брови красные — и не только над глазами, а даже и под глазами, — у Бровкина они были особенно большие и красные.

— Зачем же вы дерётесь? — спросил Жаворонок. — В Большом Стаде вы ведь друзья были с Бровкиным.

— В Большом Стаде — другое дело. А теперь то он к нам в поле забежит, то я ненароком на Костяничную горку попаду. Тут уж нам никак нельзя не подраться. Ведь мы — петухи.

Жаворонок так и не понял: зачем это драться, когда друзья? Он опять спросил:

— Когда же приходить-то?

— Вот разве когда Оранжевое Горлышко сядет детей высиживать. Тогда, может, вздохну посвободнее.

— А скоро думаете гнездо завивать?

— Оранжевое Горлышко говорит: „Когда на снежных полях покажутся проталины и в небе запоёт Жаворонок, Большое Стадо разобьётся на пары и разлетится во все стороны. Когда люди кончат сев и озимая рожь отрастёт по колено человеку, — настанет пора вить гнездо“. Вот посмотришь, какое уютное гнёздышко устроит себе Оранжевое Горлышко, — загляденье! Запомнишь? Когда люди кончат сеять, а рожь отрастёт по колено человеку.

— Я уж запомнил, — сказал Жаворонок. — Непременно прилечу. Ну, спокойной ночи!

И он полетел к себе спать.

*Что делали люди,
когда с полей сошёл снег,
и какое гнездо
было у Оранжевого Горлышка*

И

вот Жаворонок принялся ждать, когда люди начнут и кончат сеять и когда рожь отрастёт по колено человеку.

Каждое утро он поднимался под облака и пел там обо всём, что видел под собой.

Он видел, как день ото дня тает в полях снег, как с каждым утром веселей и жарче греет солнце.

Видел, как прилетели ледоломки-трясогузки — тоненькие птички с трясучими хвостами — и как на следующее утро река сломала лёд. И как только снег сошёл, люди выехали на тракторе в поле.

„Теперь они начнут сеять!“ — подумал Жаворонок.

Но он ошибся: ещё не сеять выехали люди, а только приготовить к посеву вспаханную с осени землю.

Тарахтя и фыркая, выполз в поле трактор. Он тащил за собой длинный железный брус с двумя колёсами по краям. Под брусом широкие, острые стальные лапы резали и перевёртывали сырую землю разрыхляли её, разбивали слежавшиеся комья.

Так прошло несколько дней. Потом люди приехали на гусеничном тракторе, позади которого были прицеплены два длинных узких ящика на колёсах. На доске сзади стояли колхозницы. Они открывали ящики, засыпали в них зерно, а в конце загона, когда трактор, поворачиваясь у границы поля, повёртывал за собой, сеялки, — они управляли рычагами и не давали зерну сыпаться на окружающую поле дорогу.

Первым делом посеяли овёс. Овёс сеяли, чтобы кормить им лошадей и делать из его семян очень полезную для ребят овсянку.

После овса сеяли лён. Лён сеяли, чтобы потом делать из его семян льняное масло, а из стеблей — верёвки, холст и полотно.

А Жаворонок думал: лён сеют, чтобы птицам удобно было в нём прятаться.

После льна посеяли пшеницу. Пшеницу сеяли,

чтобы потом делать из неё белую муку, а из белой муки печь вкусные белые булки.

Потом сеяли рожь, из которой будет чёрный хлеб. Потом посеяли ячмень: делать из него ячменные лепёшки, суп с перловой крупой и ячневую кашу. И, наконец, гречу, — варить из неё гречневую кашу, — ту самую, что сама себя хвалит.

А Жаворонок думал, что люди сеют овёс, и пшеницу, и рожь, и ячмень, и просо, из которого варят пшённую кашу, и гречу — всё только, чтобы птицам были разные зёрнышки для еды.

Посеяли колхозники гречу и уехали с поля.

„Ну, — подумал Жаворонок, — вот и конец севу! Больше не выедут люди в поле“.

И опять ошибся: на следующее утро снова зашумели в поле трактора с хитрыми машинами-картофеле-сажалками — и посадили в землю картофель.

А для чего люди садили картошку — все знают. Один Жаворонок никак не мог догадаться.

К тому времени прилетели ласточки, и стало тепло, и озимая рожь отросла по колено людям. Увидал это Жаворонок, обрадовался и полетел искать своего друга — петушка Подковкина. Теперь найти его было не так просто, как месяц назад: рожь кругом вон как выросла, — кочки-то и не стало видно. Насилу-насилу нашёл Жаворонок Подковкина.

— Готово гнездо? — сразу спросил он.

— Готово, готово, — весело отвечал Подковкин, — и даже яйца все положены. Знаешь, сколько?

— Да я ведь считать не умею, — сказал Жаворонок.

— Признаться, и я дальше двух не умею, — вздохнул Подковкин. — Да тут охотник проходил. Заглянул в гнездо, сосчитал яйца и говорит: „Ого, — говорит, — двадцать четыре, целых две дюжины! Больше, — говорит, — и не бывает яиц у серых куропаток“.

— Ой-ой-ой, плохо дело! — испугался Жаворонок. — Охотник все яйца возьмёт и яичницу из них себе сделает.

— Что ты, что ты — яичницу! — замахал на него крылышками Подковкин. — Оранжевое Горлышко говорит: „Хорошо, что это охотник. Лишь бы не мальчишки“. Она говорит: „Охотник ещё охранять наше гнездо будет: ему надо, чтобы наши птенцы выросли да жирные стали. Вот тогда берегись! Тогда он придёт с собакой да бах! бах!..“ Ну, идём, я тебя к Оранжевому Горлышку поведу.

Подковкин соскочил с кочки и так быстро побегал во ржи, что Жаворонку пришлось его догонять на крыльях.

Гнездо куропаток помещалось среди ржи, в углублении между двумя кочками. На гнезде, распушив перья, сидела Оранжевое Горлышко.

Увидев гостя, она сошла с гнезда, пригласила перья и приветливо сказала:

— Пожалуйста, пожалуйста! Полюбуйтесь на наше гнёздышко. Правда, уютное?

Особенного ничего не было в её гнезде: вроде луношка с яйцами. По краям выстлано куропаткиным пухом и пёрышками. Жаворонок видал и похитрей гнёзда. Всё-таки из вежливости он сказал:

— Очень милое гнёздышко.

— А яйца? — спросила Оранжевое Горлышко. — Правда, чудесные яички?

Яйца в самом деле были хороши: как куриные, только маленькие, красивого ровного жёлто-зелёного цвета. Их было много — полное лукошко. И лежали они все острыми концами внутрь, а то, пожалуй, и не поместились бы в гнезде.

— Прелесть какие яйца! — от души сказал Жаворонок. — Такие чистые, гладкие, аккуратные!

— А кругом гнезда как вам нравится? — спросила Оранжевое Горлышко. — Красиво?

Жаворонок огляделся. Над гнездом зелёным шатром нависали гибкие стебли молодой ржи.

— Красиво, — согласился Жаворонок. — Только вот... — и запнулся.

— Что ты хочешь сказать? — встревожился Подковкин. — Или наше гнездо плохо спрятано?

— Сейчас-то оно хорошо спрятано, даже ястребу не заметить. Да ведь скоро люди сожнут рожь. И ваше гнездо останется на открытом месте, всем будет видно.

— Сожнут рожь? — Подковкин даже крылышками всплеснул. — Ты это наверное знаешь?

— Я слышал, колхозники говорили, что будут жать рожь.

— Вот ужас! — ахнул Подковкин. — Что же нам делать?

Но Оранжевое Горлышко только весело подмигнула мужу:

— Не тревожься, не волнуйся. Тут самое сохранный место. Никто сюда не придёт, пока наши птен-

чики не выйдут из яиц. Заруби у себя на носу: птенцы куропаток выходят из яиц, когда рожь цветёт.

— А люди когда придут жать её?

— А люди будут ждать, пока рожь вырастет, выколосится, зацветёт, отцветёт, нальётся и вызреет.

— Что я тебе говорил? — закричал обрадованный Подковкин. — Видишь, какая умная у меня жена! Она всё наперёд знает.

— Это не я умная, — скромно сказала Оранжевое Горлышко. — Это наш куропатчий календарь. Каждая наша курочка знает его наизусть.

Потом она повернулась к Жаворонку, похвалила его песни и пригласила его прийти посмотреть, как будут выходить из яиц её птенчики.

Тут перепел громко закричал изо ржи:

— Спать пора! Спать пора!

Жаворонок простился с друзьями и полетел домой.

Перед сном он всё старался вспомнить: „Как это она сказала? Сперва рожь вырастет, потом, потом выколо... нет — вылоко... выклोल...“

Но никак не мог выговорить это мудрёное слово, махнул лапкой и заснул.

*Как пришла лисица,
и какие у Подковкиных
родились дети*

Ж

аворонку не терпелось взглянуть, как будут выходить из яиц маленькие Подковкины. Каждое утро теперь, прежде чем подняться в облака, он внимательно осматривал рожь.

Рожь поднималась быстро и скоро стала ростом с самого высокого человека.

Тогда концы её стеблей стали толстеть и набухать. Потом из них выросли усики.

— Вот это и есть колоски, — сказал себе Жаворонок. — Вот это и называется выклоло... нет — вылоко... нет — вы-ко-ло-си-лась.

В это утро он пел особенно хорошо: он был рад, что рожь скоро зацветёт и у Подковкиных выйдут птенчики.

Он смотрел вниз и видел, что на всех полях поднялись уже посевы: и ячмень, и овёс, и лён, и пшеница, и гречиха, и листья картофеля на ровных грядках.

В кустах около того поля, где в высокой ржи было гнездо Подковкиных, он заметил ярко-рыжую полоску. Спустился пониже и разглядел: это была лисица. Она вышла из кустов и кралась по скошенному лугу к полю куропаток.

Крепко затукало Жаворонково сердчишко. Он боялся не за себя: лиса ничего не могла ему сделать в воздухе. Но страшный зверь мог найти гнездо его друзей, поймать Оранжевое Горлышко, разорить её гнездо.

Ещё ниже спустился Жаворонок и что было силы закричал:

— Подковкин, Подковкин! Лиса идёт, спасайтесь!

Лиса подняла голову и страшно щёлкнула зубами. Жаворонок испугался, но продолжал кричать что есть мочи:

— Оранжевое Горлышко! Улетайте, улетайте!

Лиса направилась прямо к гнезду.

Вдруг из ржи выскочил Подковкин. У него был ужасный вид: перья все взъерошены, одно крыло волочилось по земле.

„Беда! — подумал Жаворонок. — Верно, его подшибли камнем мальчишки. Теперь и он пропадёт“.

И закричал:

— Подковкин, беги, прячься!

Но было уже поздно: лиса заметила бедного петушка и помчалась к нему.

Подковкин, хромя и подпрыгивая, побежал от неё в сторону. Но где ж ему было убежать от быстрого зверя!

В три прыжка лиса была около него, и — клямс! — зубы её лягнули у самого хвоста петушка.

Подковкин собрал все свои силы и успел взлететь перед носом зверя. Но летел он совсем плохо, отчаянно чирикал и скоро упал на землю, вскочил, заковылял дальше. Лиса кинулась за ним.

Жаворонок видел, как бедный Подковкин, то бегом, то взлетая на воздух, с трудом добрался до Костяничной горки и скрылся в кустах. Лиса неотступно гналась за ним.

„Ну, теперь бедняге конец! — подумал Жаворонок. — Лиса загнала его в кусты и там живо поймает“.

Жаворонок ничем больше не мог помочь другу. Он не хотел слышать, как хрустнут на лисьих зубах косточки петушка, и поскорей улетел.

Прошло несколько дней — и рожь была уже в цвету.

Жаворонок не летал эти дни над полем, где жили Подковкины. Он грустил о погибшем друге и не хотел даже смотреть на место, где, наверное, валялись окровавленные пёрышки петушка.

Раз сидел Жаворонок у себя в поле и закусывал червячками.

Вдруг он услышал треск крыльев и увидел Подковкина, живого и весёлого. Подковкин опустился рядом с ним.

— Куда ж ты пропал?! — закричал петушок, не здороваясь. — Ведь рожь цветёт уже. Ищу тебя, ищу!.. Летим скорей к нам: Оранжевое Горлышко говорит, что сейчас наши птенчики будут из яиц выклёвываться.

Жаворонок вытаращил на него глаза.

— Ведь тебя же съела лиса, — сказал он. — Я сам видел, как она загнала тебя в кусты.

— Лиса? Меня-то?! — закричал Подковкин. — Да ведь это я отводил её от нашего гнезда. Нарочно и больным притворился, чтобы её обмануть. Так её запутал в кустах, что она и дорогу забыла в наше поле! А тебе спасибо, что предупредил об опасности. Если б не ты, не видать бы нам наших птенчиков.

— Я что ж... я только крикнул, — смутился Жаворонок. — Ловко же ты! Даже меня обманул.

И друзья полетели к Оранжевому Горлышку.

— Чшш! Тише, тише! — встретила их Оранжевое Горлышко. — Не мешайте мне слушать.

Она была очень озабочена, стояла над гнездом и, склонив головку к яйцам, внимательно прислушивалась. Жаворонок и Подковкин стояли рядом, чуть дыша.

Вдруг Оранжевое Горлышко быстро, но осторожно тюкнула клювом одно из яиц. Кусочек скорлупы отлетел, и сейчас же из дырочки блеснули два чёрные булавочные глаза и показалась мокрая взъерошенная головка цыплёночка.

Мать ещё раз ткнула клювом — и вот весь цыплёночек выскочил из развалившейся скорлупы.

— Вышел, вышел! — закричал Подковкин и запрыгал от радости.

— Не кричи! — строго сказала Оранжевое Горлышко. — Бери скорей скорлупки и унеси подальше от гнезда.

Подковкин ухватил клювом половинку скорлупки и стремглав помчался с ней в рожь.

Он вернулся за второй половинкой очень скоро, но в гнезде накопилась уже целая грудка битой скорлупы. Жаворонок видел, как один за другим выходили из яиц цыплята. Пока Оранжевое Горлышко помогала одному, другой уже сам разбивал скорлупу и выкарабкивался из неё.

Скоро все двадцать четыре яйца были разбиты, все двадцать четыре птенчика вышли на свет, смешные, мокрые, взъерошенные!

Оранжевое Горлышко живо повыкидала ногами и клювом всю битую скорлупу из гнезда и велела Подковкину убрать её. Потом обернулась к цыплятам, нежным голосом сказала им: „Ко-ко-ко! Ко-ко!“ — вся распушилась, растопырила крылья и села на гнездо. И все цыплята сразу исчезли под ней, как под шапкой.

Жаворонок принялся помогать Подковкину носить скорлупу. Но клювик у него был маленький, слабый, и он мог таскать только самые лёгкие скорлупки.

Так они долго трудились вдвоём с Подковкиным. Относили скорлупу подальше в кусты. Оставляя её

вблизи гнезда нельзя было: люди или звери могли заметить скорлупки и по ним найти гнездо.

Наконец работа была кончена, и они могли отдохнуть.

Они сели рядом с гнездом и смотрели, как из-под крыльев Оранжевого Горлышка то тут, то там высывались любопытные носики, мелькали быстрые глазки.

— Удивительно как... — сказал Жаворонок. — Только что родились, а уж такие шустрые. И глазки у них открыты, и тельце всё в густом пуху.

— У них уже и пёрышки маленькие есть, — гордо сказала Оранжевое Горлышко. — На крылышках. Чтобы перепархивать.

— Скажите пожалуйста! — удивлялся Жаворонок. — А у нас, у певчих птиц, когда птенчики выходят из яиц, они слепенькие, голенькие... Только чуть могут головку поднять да ротик открыть.

— О, вы ещё не то сейчас увидите! — весело сказала Оранжевое Горлышко. — Дайте мне только ещё немножко погреть их своим теплом, чтобы хорошенько обсушить... И мы сейчас же откроем детскую площадку.

*Какая у поршков
была детская площадка,
и что́ они там делали*

10

ни ещё поболтали, потом Оранжевое Горлышко спросила:

— Подковкин, где сейчас поблизости можно найти маленьких зелёных гусениц и мягких улиток?

— Тут, тут рядом, — заторопился Подковкин, — в двух шагах, в нашем же поле. Я уж присмотрел.

— Нашим детям, — сказала Оранжевое Горлышко, — в первые дни нужна самая нежная пища. Зёр-

нышки есть они научатся позже. Ну, Подковкин, показывай дорогу, мы пойдём за тобой.

— А птенчики? — встревожился Жаворонок. — Неужели вы оставите крошек одних?

— Крошки пойдут с нами, — спокойно сказала Оранжевое Горлышко. — Вот, смотрите.

Она осторожно сошла с гнезда и позвала ласковым голоском:

— Ко-ко! Ко-ко-кко!

И все двадцать четыре птенчика повскакали на ножки; выпрыгнули из гнезда-лукошка и весёлыми катышками покатались за матерью.

Впереди пошёл Подковкин, за ним Оранжевое Горлышко с цыплятками, а сзади всех — Жаворонок. Цыплятки пик-пикали, мать говорила „ко-кко“, а сам Подковкин молчал и, выпятив голубую грудь с шоколадной подковой, гордо поглядывал по сторонам.

Через минуту они пришли в такое место, где рожь была редкая и между её стеблями поднимались кочки.

— Прекрасное местечко! — одобрила Оранжевое Горлышко. — Тут и устроим детскую площадку.

И она сейчас же принялась с Подковкиным искать для своих птенчиков зелёных гусениц и мягких улиток.

Жаворонку тоже захотелось покормить цыпляток. Он нашёл четырёх гусеничек и позвал:

— Цып-цып-цып, бегите сюда!

Цыплятки доели то, что им дали родители, и показали к Жаворонку. Смотрят, — а гусениц нет! Жаворонок смутился и, наверно, покраснел бы, если б на

лице у него не было пёрышек: ведь это он сам, пока ждал цыплят, незаметно как-то отправил себе в рот всех четырёх гусениц.

Зато Оранжевое Горлышко с Подковкиным ни одной гусенички не проглотили, а каждую брали в клюв и ловко отправляли в открытые рты цыплят — каждому по очереди.

— Теперь займёмся ученьем, — сказала Оранжевое Горлышко, когда цыплята наелись. — Ккок!

Все двадцать четыре цыплёнка остановились, кто где был, и взглянули на мать.

— Ккок — это значит „внимание“! — объяснила Жаворонку Оранжевое Горлышко. — Теперь я их позову за собой — и смотрите!.. Ко-кко! Ко-ко-кко!.. — позвала она своим самым нежным голосом и пошла к кочкам.

Все двадцать четыре цыплёнка покатались за ней.

Оранжевое Горлышко перескочила кочки и, не останавливаясь, пошла дальше.

Цыплятки добежали до кочек — и стоп! Они не знали, что им делать: ведь кочки перед ними были как высокие крутые горы или как трёхэтажные дома.

Цыплятки старались вскарабкаться на кручу, но падали и катились вниз. При этом они так жалостно плакали, что у доброго Жаворонка сжалось сердце.

— Ко-кко! Ко-ко-кко! — всё настойчивее звала Оранжевое Горлышко с другой стороны кочек. — Сюда, сюда, за мной!

И вдруг все двадцать четыре птенчика разом замахали крошечными крылышками, вспорхнули и поле-

тели. Они поднялись невысоко над землёй, а всё-таки кочки перелетели, упали прямо на ножки и без передышки покатались за Оранжевым Горлышком.

Жаворонок даже клюв раскрыл от удивления. Как же так — только что родились на свет, а уже вон как умеют!

— Ах, какие у вас способные дети! — сказал он Подковкину и Оранжевому Горлышку. — Ведь это просто чудо: они уж и летают!

— Немножко только, — сказала Оранжевое Горлышко. — Далеко не могут. Всего только вспорхнут и сядут. Охотники так и зовут наших детей: поршки.

— У нас, у певчих птиц, — сказал Жаворонок, — птенчики сидят в гнезде, пока у них не отрастут крылышки. Гнездо так хорошо спрятано в траве, что даже соколиный глаз его не заметит. А вы куда своих поршков спрячете, если вдруг прилетит сокол?

— Тогда я сделаю вот как, — сказал Подковкин и громко крикнул: — Чирр-вик!

Все двадцать четыре поршка разом поджали ножки и... как сквозь землю провалились!

Жаворонок крутил головой во все стороны, стараясь разглядеть хоть одного птенчика: ведь он знал, что они притаились тут перед ним, на земле. Смотрел, смотрел — и никого не увидел.

— Фокус-покус-чирвирокус! — весело подмигнул ему Подковкин, да вдруг как крикнет: — Раз, два, чир-вир-ри!

Все двадцать четыре поршка разом вскочили на ножки — и опять стали видны.

Жаворонок ахнул:

— Вот это ловко!

А когда настал вечер и Подковкины повели детей укладывать спать, Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

— Пока люди не кончат сенокос, вы всегда можете найти нас или в гнезде, или на детской площадке. А когда хлеба́ поспеют и придут машины убирать их, — ищите нас там, где растёт лён. Мы откроем там для наших деток школу первой ступени.

*Как прилетела в поля
ястребиха, и какая беда
тряслась на
Костяничной горке*

Н

астала середина лета. Все звери и птицы
вывели детей. И в поля каждый день стали
наведываться хищники.

Жаворонок по-прежнему с утра поднимался под
облака и пел там. Но теперь частенько ему приходи-
лось прерывать пение и спускаться вниз, чтобы пре-
дупредить своих знакомых об опасности.

А друзей и знакомых у него были полны поля: Жаворонок со всеми жил в мире, и все его любили. Сам он больше всех любил своих друзей Подковкиных. Старался всё больше летать над тем полем, где было гнездо Оранжевого Горлышка.

Летает в вышине, а сам зорко следит, не покажется ли где хищник.

Вот взошло солнце, и с дальних полей, из-за реки, уже приближается голубовато-белый лунь. Лицо у него круглое, как у кошки, нос крючком. Он летит низко-низко над зелёной рожью и смотрит, высматривает: не мелькнёт ли где птенчик или мышь? Вдруг остановится на лету и, как бабочка, приподняв крылья над спиной, повиснет в воздухе: вглядывается в одно место.

Там сейчас ушмыгнул от него в норку мышонок. Лунь и ждёт, когда мышонок высунет нос из норки. Если высунет, лунь разом сложит крылья, камнем упадёт вниз — и цоп мышонка в когти!

Но Жаворонок уже мчится с высоты и, крикнув Подковкиным на лету: „Лунь прилетел!“ — спешит к норке, кричит мышонку:

— Не высовывай носа! Не высовывай носа из норки!

Подковкин командует своим поршкам:

— Чирр-вик!

И поршки поджимают ножки, делаются невидимками.

Мышонок слышит Жаворонка и, дрожа от страха, забивается поглубже в норку.

И Лунь улетает дальше, никого не поймав.

Каждый день прилетали из далёкого леса чёрный коршун с выемкой на длинном хвосте и бурый канюк-мышелов. Кружили над полями, высматривали добычу. Их когти всегда готовы схватить неосторожного мышонка или поршка. Но с утра до полудня и опять через час после полудня караулит в небе Жаворонок, и все полевые птицы и звери спокойны: у них хороший сторож. А в полдень хищники улетают на реку — на водопой. Тогда и Жаворонок спускается на землю поест да вздремнуть полчасика после обеда, и в полях наступает „мёртвый час“ — час отдыха и сна.

И, может быть, так бы всё и обошлось благополучно, все звериные детёныши были бы целы и поршки у куропаток выросли бы спокойно, да, на беду, прилетела в поле серая ястребиха.

Страшны маленьким зверям и птицам и лунь, и коршун, и канюк-мышелов.

Но страшней всех жена ястреба — ястребиха. Она больше и сильнее мужа; ей и взрослую куропатку поймать — пустяк.

Прежде всю еду ей и ястребятam приносил ястреб — её муж. Но вчера его застрелил охотник. Ястребиха второй день голодала и поэтому была особенно зла и безжалостна.

Ястребиха не кружила над полями у всех на виду, как лунь...

Жаворонок прокричал сверху:

— Ястребиха! Спасайтесь! — и замолк.

Он сам не знал, куда девалась ястребиха: не успел заметить.

На Костяничной горке растут густые кусты, а над ними поднимаются в небо две высокие осины. Одна — сухая, другая — как зелёная круглая башня. Коршун и канюк-мышелов, бывало, летают-летают и присядут на сухую осину; отсюда им хорошо видно, что делается кругом в полях.

Им видно, зато и их видно. И пока хищник сидит на сухой осине, ни одна мышь не высунет носа из норки, ни одна птица не покажется из кустов или из хлеба.

А вот ястребиха промчалась над головами — и нет её. Никто не сидит на сухой осине. Никто не кружит над полями. Жаворонок опять спокойно запел в вышине.

И полевое зверьё вылезает из норок, из неза-

метных ухоронок под кустами, в хлебах, между кочками.

Жаворонок видит с высоты: вот зайчишка выкатился из-под куста, встал столбиком, огляделся, повертел во все стороны ушками. Ничего, спокойно. Припал на короткие передние лапки и принялся щипать траву.

Мыши зашныряли между кочками.

Подковкин с Оранжевым Горлышком привели своих поршков к самой Костяничной горке.

Что́ это они делают там? Да ведь они учат детей зёрнышки клевать! Подковкин ткнёт несколько раз в землю носом, что-то скажет — и все двадцать четыре поршка со всех ног бегут к нему, смешно тыкаются короткими носиками в землю.

А вот там, на самой горке, у двух осин, — соседи Подковкиных, семейство Бровкиных: сам Бровкин, и курочка его, Голубой Носик, и детки их — крошки-поршки.

Всё это видит Жаворонок, и ещё кто-то видит: тот, кто затаился в высокой зелёной осине, как в башне. А кто там пря-

чется, — ни Жаворонку, ни кому из полевых зверей и птиц не видно.

„Сейчас, — думает Жаворонок, — опять Подковкин подерётся с Бровкиным. Вот увидели друг друга, распушились оба, распетушились... Нет, ничего — не дерутся. Прошло, видно, время драки. Только Оранжевое Горлышко повернула назад в рожь: уводит своих детей. И Голубой Носик тоже... Ой!“

Серой молнией блеснула сверху, из зелёной осины, ястребиха. И забилась у неё в когтях курочка Голубой Носик — пух полетел над кустами.

— Чирр-вик! — отчаянно крикнул Подковкин.

Значит, и он увидал ястребиху. Всё семейство Подковкиных исчезло во ржи. А Бровкин совсем растерялся. Ему бы тоже крикнуть „чирр-вик!“ да спастись с поршками в кусты, а он, с перепугу, чирвикнул и полетел, как Подковкин от лисы, притворяясь подшибленным.

Ах, глупый, глупый петушок! Ястребиха — не лиса! Разве могут спасти от неё короткие куропацьи крылышки!

Ястребиха бросила мёртвую курочку — и за ним! Ударила Бровкина в спину — и вместе с ним упала в кусты.

И остались крошки-поршки Бровкины круглыми сиротами — без отца, без матери.

*Чему обучались
поршки в школе
первой ступени*

Ястребиха съела на месте петушка Бровкина, а курочку Голубой Носик унесла в лес — своим прожорливым ястребяткам на обед.

Жаворонок полетел к Подковкиным.

— Вы видели? — встретила его вопросом Оранжевое Горлышко. — Ужас, ужас! Бедные крошки Бровкины, горькие сироты... Идёмте скорей, разыщем их.

И она побежала так быстро, что поршкам пришлось поминутно вспархивать, чтобы поспеть за ней.

На Костяничной горке она остановилась и громко позвала:

— Ко-кко! Ко-ко-кко!

Ей никто не ответил.

— Ах, бедные, ах, бедные крошки! — сказала Оранжевое Горлышко. — Они так напугались, что не смеют и на ножки вскочить.

Она позвала во второй раз.

И опять никто не отозвался.

Позвала в третий раз — и вдруг кругом, со всех сторон, как из-под земли выросли маленькие Бровкины и с писком покатались к ней.

Оранжевое Горлышко распушила перья и приняла к себе под крылышки всех своих малышей и всех Бровкиных.

Такое множество поршков не могло поместиться под её крылышками. Они залезали друг на друга, толкались, брыкались, пихались, и то один, то другой кубарем вылетал наружу. Оранжевое Горлышко сейчас же нежно загоняла его назад в тепло.

— Пусть-ка теперь, — вызывающе крикнула она, — пусть кто-нибудь осмелится сказать, что это не мои дети!

Жаворонок подумал про себя: „Вот уж верно! Все крошки как две капли воды похожи друг на друга. Пусть меня изжарят на сковородке, если я разберу, которые тут Бровкины, которые Подковкины. Я думаю, сама Оранжевое Горлышко — и та не разберёт“.

А вслух сказал:

— Неужели вы хотите их усыновить? У вас и своих-то...

— Молчи, молчи! — перебил его Подковкин. — Раз Оранжевое Горлышко сказала, значит, так тому и быть. Не пропадать же сироткам без призору!

Тут у Жаворонка почему-то вдруг защекотало-защекотало в горлышке и глаза стали мокрые, — хотя птицы и не умеют плакать. Ему стало так стыдно этого, что он незаметно шмыгнул за куст, улетел от друзей и долго не показывался им на глаза.

Раз утром, поднявшись в вышину, Жаворонок вдруг увидал, будто голубой корабль выплывает из-за обширного колхозного поля: Жаворонок прошлой осенью летал за море и помнил, какие они — корабли.

Только этот корабль показался Жаворонку очень странным: впереди корабля, поблёскивая в лучах солнца, быстро вращалось что-то вроде колеса из длинных узких досок; флаг развевался не на высокой мачте, как у морских кораблей — мачт у этого парохода вообще не было и в помине, — а сбоку, — и тут же сбоку под белым зонтиком сидел капитан и управлял кораблём или пароходом, — как его назвать? Позади него вилась пыль — как дым.

Полевой корабль приближался, — и Жаворонку видно было, как он широко загребает перед собой дощатым колесом пшеницу, как она исчезает в нём, как стоящая на мостике с другой стороны корабля колхозница время от времени переставляет рычаг, — и позади корабля на коротко остриженное и гладко

скошенное поле падают кучи золотистой пшеничной соломы.

Вблизи полевой корабль перестал быть похожим на морские корабли. Спустившись пониже, Жаворонок услышал, что люди называют его комбайн и что эта большая машина на ходу убирает хлеб, обмолачивает его, зерно собирает в ящик, а солому оставляет, — остаётся только сбрасывать её на сжатое поле.

„Надо рассказать обо всём этом Подковкиным, — подумал Жаворонок, — да, кстати, и поглядеть, чему они обучают своих поршков в школе первой ступени“. — И он полетел разыскивать своих друзей.

Как и говорила Оранжевое Горлышко, Подковкиных он нашёл теперь во льне. Они как раз собирались давать детям урок. Жаворонок удивился, как подросли за эти дни поршки. Их нежный пух сменился пёрышками.

Сам Подковкин поднялся на кочку, а сорок четыре поршка под присмотром Оранжевого Горлышка разместились внизу полукругом.

— Ккок! — сказал Подковкин. — Внимание!

И он стал говорить поршкам о пользе образования для куропаток.

— С образованием, — говорил он, — молодая куропатка нигде не пропадёт.

Говорил Подковкин долго, и Жаворонок видел, как поршки один за другим закрывали глазки и засыпали.

— Как уберечь себя от врагов, — говорил Подковкин, — от охотников, мальчишек, хищных зверей и

птиц, — вот в чём вопрос! В школе первой ступени вы будете изучать, как вести себя на земле, а в школе второй ступени — как держать себя в воздухе. Мы, куропатки, наземные птицы и взлетаем с земли только тогда, когда враг наступит нам на хвост.

Тут Подковкин перешёл к примерам:

— Скажем, к нам приближается человек... мальчик, скажем. Что мы делаем прежде всего?

Никто не ответил на его вопрос: все сорок четыре поршка крепко спали.

Подковкин не заметил этого и продолжал:

— Прежде всего я или Оранжевое Горлышко тихонько командуем: „Ккок! Внимание!“ Вы уже знаете, что при этом слове вы все поворачиваетесь к нам и смотрите, что мы делаем.

„Этого он мог и не говорить“, — подумал Жаворонок, потому что, как только Подковкин сказал „ккок!“ — все сорок четыре крепко спавших поршка разом проснулись и повернули к нему носы.

— Я говорю: „Ккок!“ — продолжал Подковкин, — и притаиваюсь, то есть поджимаю ножки и крепко прижимаюсь к земле. Вот так.

Он поджал ножки, и все сорок четыре поршка сделали то же.

— Так... Мы лежим притаившись и всё время зорко смотрим, что делает мальчик. Мальчик идёт прямо на нас. Тогда я командую чуть слышно: „Терк!“ — мы все вскакиваем на ножки... — Тут Подковкин, а за ним все сорок четыре поршка вскочили, — вытягиваемся вот так...

Подковкин вытянул шейку вперёд и вверх, всё

тело его тоже вытянулось, — и он стал похож на длинную бутылочку на тонких ножках. А поршки, как ни вытягивались, остались похожи на пузырьки на коротких ножках.

— ...и удираем, прикрываясь травой, — закончил Подковкин.

Бутылочка вдруг быстро побежала с кочки в лён и пропала в нём. Сорок четыре пузырька покатались за ней — и весь лён кругом зашевелился.

Подковкин сейчас же выпорхнул из льна и опять сел на свою кочку. Вернулись и поршки.

— Никуда не годится! — сказал Подковкин. — Разве

так удирают? Весь лён закачался там, где вы бежали. Мальчишка сейчас же схватит палку или камень и швырнёт в вас. Надо научиться бегать в траве так, чтобы ни одного колоска не задеть. Вот глядите...

Он опять превратился в бутылочку на ножках и покатил в лён.

Густой зелёный лён сомкнулся за ним, как вода над ныряльщиком, — и больше нигде ни один стебелёк не шелохнулся.

— Замечательно! — вслух сказал Жаворонок. — Долго же придётся вам, дети, учиться, чтобы так ловко бегать!

Подковкин вернулся совсем не с той стороны, куда направился, и сказал:

— Запомните ещё вот что: удирать надо не прямо, а непременно углами, зигзагами — вправо, влево, вправо и вперёд. Повторим.

Жаворонок проголодался и не стал смотреть дальше, как поршки будут учиться бегать.

— Я на минутку, — сказал он Оранжевому Горлышку и полетел разыскивать гусениц.

В несжатой ржи он нашёл их много, да таких вкусных, что забыл про всё на свете.

Вернулся он к Подковкиным только вечером. Перепела во ржи кричали уже: „Спать пора! Спать пора!“ — и Оранжевое Горлышко укладывала детей.

— Вы уже большие, — говорила она поршкам, — и теперь не будете спать у меня под крылышком. С сегодняшнего дня учитесь ночевать так, как спят взрослые куropатки.

Оранжевое Горлышко легла на землю, а поршкам велела собраться в кружок вокруг неё.

Поршки улеглись, — все сорок четыре носика внутрь, к Оранжевому Горлышку, хвостиками наружу.

— Не так, не так! — сказал Подковкин. — Разве можно засыпать хвостом к врагу? К врагу надо всегда быть носом. Враги кругом нас. Ложитесь все наоборот: хвостами внутрь круга, носами наружу. Вот так. Теперь с какой стороны ни подойдёт враг, кто-нибудь из вас его непременно заметит.

Жаворонок пожелал всем покойной ночи и поднялся в воздух. Сверху он ещё раз взглянул на Подковкиных.

И ему показалось, что на земле среди зелёного льна лежит большая пёстрая много-много-многоконечная звезда.

*Как в поля пришёл
охотник с большим
рыжим псом, и
чем это кончилось*

Перед прощанием Оранжевое Горлышко сказала Жаворонку:

— Когда люди уберут всю рожь и озимую пшеницу и поведергают весь лён, — ищите нас в ячмене. Когда примутся за ячмень, — мы перейдём в яровую пшеницу. Когда возьмутся за яровую пшеницу, — мы в овёс, а из овса — в гречиху. Запомните это, и вы всегда легко найдёте нас.

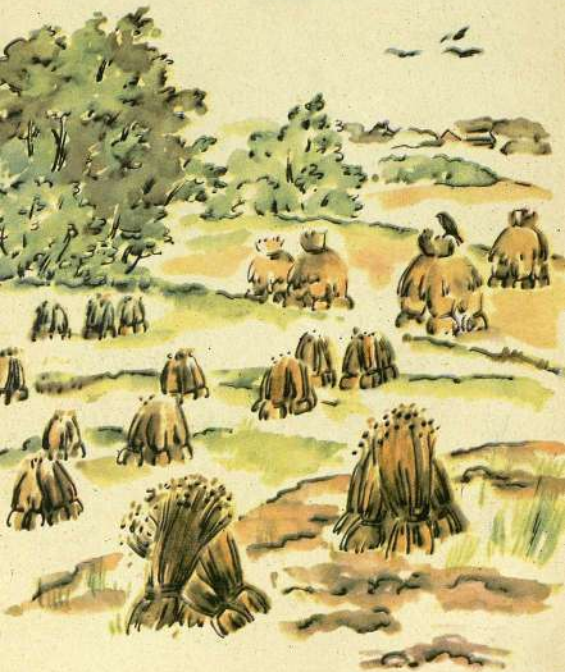
После появления комбайна высыпал в поле весь колхоз. Колхозники и колхозницы сгребали высохшую ржаную и пшеничную солому и метали её в большие стога. А там, где рос лён, опять показался трактор. Но в этот раз он вёз за собой другую машину: люди называли её льнокомбайн. Он выдёргивал из земли и теребил лён, обмолачивал зерно из его спелых головок в свой ящик, а стебли вязал в снопы и ровными рядами устилал ими за собой гладко сжатое поле.

Прилетали в поля хищные птицы: луни и канюки-мышеловы, маленькие сокола — пустельги и кобчики. Они присаживались на стога, высматривали оттуда мышат, птенцов, ящериц, кузнечиков; потом, сорвавшись, подхватывали их в когти и уносили в лес.

Жаворонок всё реже теперь поднимался в облака, всё реже пел. У всех жаворонков — его родственников — подрастали птенцы. Надо было помогать родным учить птенцов летать, разыскивать себе пропитание, прятаться от хищников. Было уж не до песен.

Частенько теперь Жаворонок слышал громкие выстрелы то за рекой, то за озером: там бродил охотник с большим рыжим псом, стрелял тетеревов и другую дичь. Так страшно гремело его ружьё, что Жаворонок поспешил улететь подальше.

И вот раз Жаворонок увидел, как охотник направился в поля. Он шёл по сжатой ржи, а рыжий пёс сновал перед ним справа налево, слева направо, пока не добежал до ячменного поля. Тут он разом

остановился как вкопанный — хвост пером, одна передняя лапа подогнута. Охотник направился к нему.

— Батюшки-светы! — ахнул Жаворонок. — Да ведь там, в ячмене, живут теперь Подковкины! Ведь рожь вся сжата и лён весь повыдерган!

И он помчался к ячменному полю.

Охотник подошёл уже к рыжему псу. Пёс как стал, так и стоял неподвижно, только чуть скосил один глаз на хозяина.

— Красивая стойка, — сказал охотник, снял с плеча двустволку и взвёл оба курка. — Сигнал, вперёд!

Рыжий пёс вздрогнул, но не тронулся с места.

— Вперёд, Сигнал! — повторил охотник строго.

Рыжий пёс осторожно, на одних пальцах, пошёл вперёд — тихо-тихо.

Жаворонок был уже над охотником и остановился в воздухе, не в силах от страха крикнуть.

Рыжий Сигнал осторожно шёл вперёд. Охотник подвигался за ним.

Жаворонок думал: „Сейчас, сейчас выскочат Подковкины и...“

Но Сигнал всё шёл вперёд, поворачивал то вправо, то влево, — а куропатки не вылетали.

— Наверно, тетерев-косач в ячмене, — сказал охотник. — Старый петух. Они часто удирают от собаки пешком. Вперёд, Сигнал!

Сигнал прошёл ещё несколько шагов и опять стал, вытянув хвост и поджав одну лапу.

Охотник поднял ружьё и приказал:

— Ну, вперёд!

„Вот сейчас, сейчас!“ — думал Жаворонок, и сердчишко его замирало.

— Вперёд, Сигнал! — крикнул охотник.

Рыжий пёс подался вперёд, — и вдруг с треском и чириканьем брызнуло из ячменя всё многочисленное семейство Подковкиных.

Охотник вскинул ружьё к плечу и...

Жаворонок зажмурил глаза от страха.

Но выстрелов не было.

Жаворонок открыл глаза. Охотник уже вешал ружьё на плечо.

— Куропатки! — сказал он громко. — Хорошо, что я удержался. До сих пор не могу забыть, как там, за озером, — помнишь, Сигналка? — я застрелил курочку. Наверное, весь выводок погиб: одному петушку не уберечь поршков. Сигнал, назад!

Сигнал с удивлением глядел на хозяина. Пёс нашёл дичь, сделал стойку, поднял дичь по приказу хозяина, а хозяин не стал стрелять и вот зовёт его назад!

Но охотник уже повернул и пошёл прочь от ячменного поля. И Сигнал побежал за ним.

Жаворонок видел, как Подковкины опустились на другом конце поля, и живо их там разыскал.

— Вот счастье! — закричал он Оранжевому Горлышку. — Я всё видел и так боялся, так боялся!

— Что вы! — удивилась Оранжевое Горлышко. — Я почти совсем не боялась. Ведь охотничий закон разрешает стрелять нас, серых куропаток, только тогда, когда опустеют все хлебные поля и колхозники примутся рыть картошку. Этот охотник ходит сейчас только за тетеревами да за утками, а нас пока не трогает.

— Он сам говорил, — горячо заспорил Жаворонок, — что на днях убил курочку за озером. Бедные поршки, они теперь все погибнут с одним петушком!

— Эх ты хватил! — перебил Подковкин. — Уж будто так сразу и погибнут! Вот познакомься, пожалуйста: петушок Заозёркин.

Тут только Жаворонок заметил, что рядом с Оранжевым Горлышком и Подковкиным сидит ещё один взрослый петушок.

Петушок кивнул ему головой и сказал:

— Мне бы и правда трудно было уберечь малых деток одному после того, как погибла моя жена. Вот я и привёл их сюда и попросился к добрым соседям, к Подковкиным. Они меня приняли со всем моим семейством. Теперь мы втроём заботимся о детях. Видите, как много их у нас?

И он показал клювом на целое стадо поршков в ячмене.

Жаворонок сразу узнал среди них новых приёмшей Оранжевого Горлышка: поршки Заозёркины были маленькие, гораздо меньше ростом, чем Подковкины и Бровкины.

— Отчего ваши детки, — спросил он удивлённо, — такие... небольшие?

— Ах, — ответил Заозёркин, — у нас столько несчастий в этом году! В начале лета моя жена свила гнездо, положила яйца и уже несколько дней сидела, высиживала их. Вдруг пришли мальчишки и разорили наше гнёздышко. Все яички погибли...

— Ай, какое горе! — вздохнул Жаворонок.

— Да, пришлось жене новое гнездо делать, новые яйца класть и опять сидеть-высиживать. Поздненькие вышли детки. Вот и маленькие ещё.

— Ничего, подрастут! — добрым голосом сказала Оранжевое Горлышко. — Всех поднимем.

И у Жаворонка опять защекотало в горлышке, как тогда, когда Оранжевое Горлышко приютила сирот Бровкиных.

*Какую хитрость придумала
Оранжевое Горлышко, когда
опустели хлебные поля и
колхозники принялись
копать картошку*

С

каждым днём теперь быстро пустели поля. Подковкины то и дело переходили с места на место.

Сжали колхозники ячмень — Подковкины перешли в яровую пшеницу. Сжали пшеницу — Подковкины перебежали в овёс. Сжали овёс — Подковкины перелетели в гречиху.

Охотник больше не приходил в поля, и Жаворонок перестал о нём думать.

Жаворонку теперь было ещё больше дела. Приближалась осень; многие перелётные птицы готовились уже к путешествию в дальние края. Собирались в путь и все родственники Жаворонка. Они слетались в стаи на сжатых полях, вместе кормились, вместе перелетали с места на место: приучали своих детей к долгим перелётам, к полётам на большой высоте.

Жаворонок жил теперь в стае.

Всё чаще дули холодные ветры, всё чаще лил дождь. Убирали колхозники и гречиху.

Подковкины переселились к речке, в картофельные поля. Жаворонок видел, как они бегают там между длинными высокими грядками, словно в узких улочках. Видел, как подросшая молодёжь учится летать. По команде Подковкина всё стадо сразу взлетало и мчалось вперёд. Раздавалась новая команда — всё стадо круто поворачивало в воздухе, летело назад, потом вдруг переставало махать крылышками — и плавно опускалось в кусты или картошку.

Круто повернуть назад на лету — это считалось у куропаток самым трудным делом.

Как-то рано утром Жаворонок летел в своей стае над деревней. Из крайней избы вышел охотник.

Жаворонок забеспокоился, отделился от стаи и спустился пониже.

Охотник громко говорил сам с собой:

— Ну, вот и пятнадцатое сентября. Сегодня — от-

крытие охоты на серых куропаток. Выходит, надо идти в поля.

Рыжий Сигнал радовался, что идёт на охоту. Он плясал перед хозяином на задних лапах, махал хвостом и громко лаял.

Жаворонку нельзя было терять из виду свою стаю. Грустный, полетел он догонять её.

Он думал: „Когда теперь увижу Подковкиных, уж не будет у них такого стада — половину перебьёт охотник“.

Думы о друзьях не давали ему покоя.

Стая залетела высоко вверх и снова спустилась. Потом улетела далеко за лес, сделала большой круг — и к вечеру вернулась в родные поля.

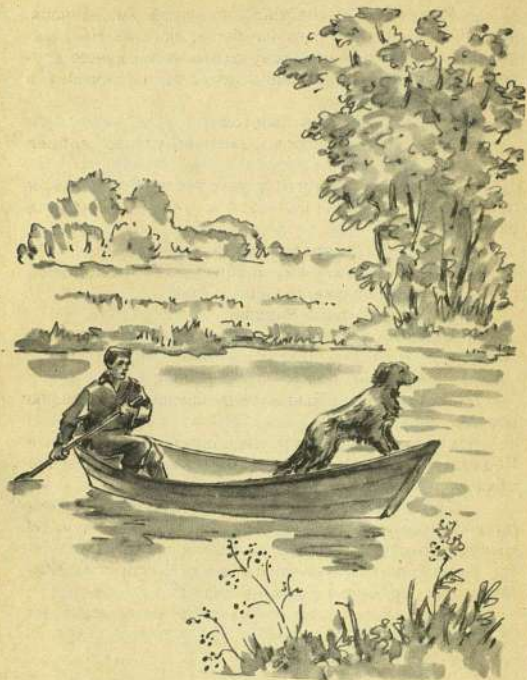
Наскоро проглотив несколько червячков, Жаворонок полетел к речке, в картофельное поле.

В картофельном поле трактор плугами выпаживал клубни из земли, — изрыл всё поле. Колхозники и колхозницы собирали картошку в большие мешки и грузили в машины. Машины отвозили их в деревню.

По сторонам поля горели костры. Вымазанные углём ребятишки пекли в золе картошины и тут же ели их, посыпав солью. А некоторые копали в песчаных берегах канав настоящие печи-духовки и пекли в них картошки.

Подковкиных в картофельном поле не было. С того берега речки сюда плыл в лодке охотник. Рядом с ним сидел рыжий Сигнал. Охотник пристал к берегу, вытащил лодку на песок и сел отдыхать.

Жаворонок подлетел к нему и услышал, как охотник рассуждал сам с собой.

— Измучили!.. — говорил он. — Что я им, нанялся, что ли, сто раз с берега на берег ездить? Нет, шалишь! Гоняйся за ними, кому охота. А мы лучше другое стадо поищем, попроще которое. Правильно я говорю, Сигналушка?

Рыжий пёс завилял хвостом.

Солнце уже садилось. Охотник устало побрёл к деревне.

Жаворонок видел, что у него нет ни дичинки, и понял, что Подковкины как-то сумели перехитрить охотника.

„Где же они?“ — подумал Жаворонок.

И, словно в ответ ему, с того берега слышался голос самого Подковкина:

— Червяк! Червяк! Червяк!

И с разных сторон ему отозвались тоненькие голоса:

— Чичире! Чичире! Чичире! Чичире!

Это откликались разлетевшиеся во все стороны молодые куропатки.

Через минуту Жаворонок оказался среди них, и Подковкин рассказывал ему, как Оранжевое Горлышко обманула охотника.

— Говорил я тебе, что умней Оранжевого Горлышка нигде курочки не сыщешь! Вот что придумала! Выходит охотник из дому, а она уж знает.

— Как же она может это знать? — спросил Жаворонок. — Ведь из кустов не видно.

— А очень просто: когда охотник выходит на охоту, его рыжий пёс лает?

— Сигнал-то? Верно, лает!

— Да как ещё громко! Вот Оранжевое Горлышко услышала и, ни слова не говоря, марш-марш за реку! Мы, конечно, все за ней.

— Через реку? Вот это ловко!

— Ищет, ищет нас рыжий пёс на этой стороне: следы наши чует, а нас нет! Ну, охотник, тот хитрей, — скоро догадался, где мы спрятались. Достал лодку, переехал на тот берег. А мы опять на этот берег.

— Понимаю, понимаю! — обрадовался Жаворонок. — Он туда, а вы сюда, он сюда, а вы туда! Он ездил, ездил, да и говорит: „Измучили совсем! Лучше я за другими куропатками пойду, которые не такие хитрые“.

— Ну да, — сказал Подковкин. — Ему на лодке долго переезжать, а мы — порх! — и на том берегу.

Солнце уже зашло, а друзья ещё долго не могли расстаться: всё радовались, как ловко Оранжевое Горлышко сумела провести охотника.

*Как Жаворонок простился
с друзьями, и о чём
он пел, покидая родину*

Давно вспахали трактористы пустые поля, и колхозники опять посеяли рожь и пшеницу.

Высоко в небе, то собираясь углом, то растягиваясь вожжой, летели стаи диких гусей.

Поля опустели. Взрыхлённые мокрые пашни чернели везде, где летом шумела высокая рожь.

Но там, где не было ржи, уже взошли и весело блестящие шёлковые зелёны.

Всё многочисленное семейство Подковкиных кормилось теперь сладкой травкой зелёной. Ночевали Подковкины в кустах.

Ветродуи-листодёры срывали последние листья с кустов и деревьев.

Настала пора Жаворонку улетать в далёкие тёплые страны. И он отыскал Подковкиных в зелёнях, чтобы проститься с ними.

Целое стадо, целое Большое Стадо полевых петушков и курочек, с весёлым криком окружило его. В стаде было сто или, может быть, тысяча куропаток. Не сразу отыскал Жаворонок среди них Оранжевое Горлышко и Подковкина: все молодые куропаточки стали уже ростом с родителей, все были нарядно одеты. На груди у каждого были подковки вкусного, шоколадного цвета. У всех щёки и горлышки стали оранжевые, бровки красные, грудки голубые, хвостики рыжие. И только приглядевшись, Жаворонок рассмотрел, что у молодых куропаточек ножки зеленоватые, а у взрослых — желтоватые.

— Что я тебе говорил весной! — закричал Подковкин, подбегая к Жаворонку. — Вот собирается Большое Стадо, и кто же в нём старшая курочка? Конечно, Оранжевое Горлышко!

Но Оранжевое Горлышко сейчас же перебила его. Она спросила:

— Вы улетаете от нас в далёкие края? Ах, как там, верно, красиво, как тепло, хорошо!

Жаворонок грустно покачал головой:

— Не очень-то хорошо. Тепло там, это верно. Но никто из нас, певчих перелётных, не вздумает там петь, никто там не завьёт гнёздышка, не выведет птенчиков. И страшно там!

— Почему же страшно? — удивилась Оранжевое Горлышко.

— Там, в тех чужих краях, даже нас, жаворонков, считают дичью. Там охотятся за нами с собаками и ружьями. Там ловят нас сетями. Там жарят нас на сковородках, — много-много надо жаворонков на одну сковородку. Изжарят — и съедят!

— Ах, какой ужас! — в одно слово вскрикнули

Оранжевое Горлышко и Подковкин. — Так оставайтесь тут зимовать.

— И рад бы, да ведь тут снег, холод. Все червячки и гусеницы попрячутся. Я вам удивляюсь: что вы едите тут зимой?

— А очень просто, — ответил Подковкин. — Видишь, сколько зеленой посеяли для нас колхозники? На сто зим хватит нам еды.

— Да ведь зеленя́ скоро покроет снег!

— А мы его — лапками, лапками! За кустиками, в заветёрках такие местечки есть — всю зиму там снегу чуть-чуть. Лапками поскребёшь-поскребёшь — смотришь: зелёная травка!

— А говорят, — спросил Жаворонок, — зимой бывает страшная гололедица и весь снег покрывается ледком?

— А тогда, — сказала Оранжевое Горлышко, — нам поможет охотник. Охотничий закон запрещает стрелять и ловить нас зимой. Охотник знает, что мы можем погибнуть в гололедицу. Он будет ставить на снегу шалашики из ёлочек, а в шалашики сыпать для нас зерно — ячмень да овёс.

— Хорошо тут! — сказал Жаворонок. — Ах, как хорошо у нас на родине! Скорей бы весна, — и я опять вернусь сюда. Ну, до свиданья!

— До свиданья! — сказала Оранжевое Горлышко.

— До свиданья! — сказал Подковкин.

— До свиданья! — закричали все старые и молодые петушки и курочки на сто, на тысячу голосов сразу.

И Жаворонок полетел к своей стае.

Было ещё утро, но тяжёлая серая туча скрывала небо, и всё казалось серым и скучным на земле.

Неожиданно из-за тучи выглянуло солнце. Сразу стало светло и весело, как весной.

И Жаворонок начал подниматься выше и выше и вдруг — сам не зная как — запел!

Он пел про то, как хорошо в его родных полях. Пел про то, как люди сеяли хлеб, а в хлебах жили, выводили детей и прятались от врагов разные птицы и звери. Пел про то, как прилетела в поля злая ястребиха, убила сразу петушка и курочку, как остались после них сиротами крошки-поршки; как пришла другая курочка и не дала погибнуть чужим малым деткам. Пел про то, как будет зимой водить Большое Стадо мудрая полевая курочка Оранжевое Горлышко, а охотник будет ставить на снегу шалашики и сыпать в них зерно, чтобы было что поклевать куропаткам в лютый мороз. Пел про то, как он снова прилетит в родные поля и звонкой песней расскажет всем, что началась весна.

А внизу, на земле, останавливались удивлённые люди. Им было так странно и так приятно, что вот осень, а Жаворонок опять запел.

Люди запрокидывали голову и, прикрыв глаза от солнца, напрасно старались разглядеть в небе маленького певца: там, в высоте, вились и сверкали крошечные белые звёздочки-снежинки. И, не долетев до земли, таяли.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	2
Что увидел Жаворонок, когда вернулся на родину . . .	3
О чём разговаривал Жаворонок с полевым петушком .	8
Что делали люди, когда с полей сошёл снег, и какое гнездо было у Оранжевого Горлышка	14
Как пришла лисица, и какие у Подковкиных родились дети	20
Какая у поршков была детская площадка, и что они там делали	28
Как прилетела в поля ястребиха, и какая беда стряслась на Костяничной горке	33
Чему обучались поршки в школе первой ступени	39
Как в поля пришёл охотник с большим рыжим псом, и чем это кончилось	47
Какую хитрость придумала Оранжевое Горлышко, когда опустели хлебные поля и колхозники принялись ко- пать картошку	53
Как Жаворонок простился с друзьями, и о чём он пел, покидая родину	59

Пялик 7 н.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Бибика Виталий Валентинович
ОРАНЖЕВОЕ ГОРЛЫШКО

Ответственный редактор И. Г. Одоевцева. Художник-редактор В. В. Куприяков. Технический редактор Н. М. Сусленикова. Корректоры Ю. А. Березнова и Н. Д. Немикоская.

Подписано к набору 23/VI 1965 г. Подписано к печати 27/X 1965 г. Формат 70 × 90¹/₁₆. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 5,26. Уч.-изд. л. 2,45 + 2 вклейки — 2,64. Тираж 130 000 экз. ТП 1965 № 206. Ленинградское отделение издательства „Детская литература“, Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 635. Цена 13 коп.

Фабрика „Детская книга“ № 2 Рославлополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.